

УДК 572:639

В.Н. Бочарников

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

АНТРОПОЛОГИЯ ОХОТЫ ИЛИ ОХОТНИЧЬЯ АНТРОПОЛОГИЯ? ПОИСК САМОБЫТНОГО ПУТИ

В статье рассматривается современная ситуация коренных перемен в отечественных общественных науках, обсуждается необходимость развития новых научных направлений в дисциплинарном поле антропологии. Актуальные вопросы этнологического и антропологического знания, выборочные примеры «родственной» антропологической проблематики приводятся в контексте осуществления междисциплинарных исследований феномена охоты.

Ключевые слова: антропология, охота, методология, исследовательские направления, трансформационные процессы науки.

Антропология как комплексное изучение человека во всем ее тематическом и дисциплинарном разнообразии является одной из наиболее динамично развивающихся областей современного философско-гуманитарного и общественно-культурного знания. Ее появление обязано становлению и развитию западной цивилизации, той ее сущности, в философском смысле которой эксплицитно определилась, сформировалась в течении многих столетий античности и сохранилась до современности концепция универсального бытия и сущности человечества. Рыночные перемены последних десятилетий предопределили смену традиций и в отечественной науке, завершается окончательный слом и коренная смена организационной парадигмы фундаментальной науки в России.

Человек вынужденно меняется во всех проявлениях своей идентичности, так и в выбираемых занятиях и принимаемых стандартах индивидуальной и общественной жизни, в коммуникациях и социальных проявлениях, в физических и духовных аспектах своей жизнедеятельности. Прежние «биологические», некогда главные умения, позволяющие жить на протяжении миллионов лет человеческому виду, сейчас «растворяются» за ненужностью, вытесняемые техникой и городским образом жизни, кардинально

трансформируются в быстротекущих жизненных процессах из-за невероятной ранее мобильности и виртуальности повседневного существования.

Любое общество как культурная система, с одной стороны, отражает сложность социальной системы, с другой – обладает своими особенностями. Современная антропология стремится более адекватно отвечать на вызовы времени, оказывается способна в который раз заново пересмотреть предметное поле, методологические ориентиры, исследовательские стратегии и техники социального изучения, при которых неизбежно происходит потеря некоторых прежних фундаментальных ее территорий и смыслов. Мы смотрим как в калейдоскоп, в котором узоры вечно меняются, и лишь при очень большом терпении и внимании возможно найти, уловить, выделить ту мало определенную еще связь между многими сторонами нашей жизни, рассмотреть сопряжения и соотношения между многими такими казалось бы абсолютно далекими и независимыми последовательностями вечно текущей жизни. И сие профессиональный удел «жрецов» наук о человеке.

Задача исследователя-антрополога, уверяют опытные профессионалы в этой области, — зафиксировать новое сегодняшнее, пусть и не переходящее в завтра, живущее пусть не столь изощренной и полной, но уже известной жизнью, с которой привыкла иметь дело классическая этнография, но все же жизнью вынесенного на поверхность достаточно полноценного феномена. Отсутствие образа или идеи человека вызывает его активный поиск в самых разных сферах жизнедеятельности, но нет единой науки о человеке. Представляется, что для понимания происходящего необходимо более системно, чем прежде репрезентировать культурные функции общества в их целостности, воплощающиеся как в повседневной культуре населения в тех или иных типовых социальных практиках, так и в граничных маргинальных областях и фронитирных рубежах.

Для такого выхода за пределы известного, достаточно очевидно, нужен заметный и хорошо идентифицируемый феномен, проходящий заметным своим присутствием через жизнь отдельного человека и социальные реалии

многих так, что оказывается способным и возможным «возбудить» особое внимание. Нужна уникальная постановка и вопрошание, такого рода как например - что такое, кому и зачем нужна охота в человеческой жизни? Первыми представлениями людей о самих себе, мире, способах и условиях выживания были мифологические построения, делающие этот мир понятным, а значит и пригодным для жизни. Они выражались в первобытных религиозных верованиях, сказках, сагах, легендах, обычаях и ритуалах.

Наш мир должен стать более человеческим, иначе он перестанет быть человеческим, - такой антропологический категорический императив формулирует философ Герман Коген. А что же является «лакмусовой бумажкой» человечности? Есть самые различные версии происхождения человека, и основополагающих причин нашего отношения к природе, причем каждый подход использует свой критерий, позволяющий отделить человекообразное существо от человека в собственном смысле слова. Для мифологического менталитета характерны коллективно выработанные представления, механизмы передачи знаний, обрядов, обычаев, опыта предков и др., от поколения к поколению, нерасчлененность теоретического и практического знания, одухотворение сил природы, неразделенность субъекта и объекта. Об этом свидетельствуют обычаи древних народов, хорошо изученные по результатам работ антропологов.

Кто-то считает основным критерием человечности - способность и умение создавать орудия труда, с тем, чтобы с их помощью добывать хлеб насущный, обеспечивая выживание отдельных особей и всего рода, другие полагают, что человек начинается с возникновения стойкой традиции выражать свою волю к добыче живого путем совершения охотничьего ритуала, сохраняющегося в различных формах до сих пор. Верным остается то, что человеку всегда свойственно стремление к сохранению своей индивидуальной жизни, и в те далекие времена, от индивидуальных способностей каждого единолично зависела его жизнь. В любом случае требуется верный выбор базового концепта, того понятия, который может послужить показателем,

маркером, индикатором, элементом пригодным для сравнения прежней и современной модели-матрицы множества факторов взаимодействий человека и природы.

В социальном поле современности сменяются способы ориентации человека в среде, а следовательно, выстраиваются совершенно по-иному исследовательские подходы науки. Современная жизнь изменчива настолько, что трансформируется само пространство человеческого познания, именно поэтому, постнеклассическая наука предстает максимально антропоцентричной. Человеческая общность во множестве ее индивидуальностей описывается научными процедурами и средствами идентификации, символизации, конструирования и проектирования. Любым исследователем в таких условиях вынужденно заменяются инструменты, методы, форматы и способы научной работы, формируется иная, чем прежняя истинностная, отчетливо-предельно плюралистическая парадигма постнеклассической науки.

Академик Валерий Тишков в интервью, в преддверие VI Конгресса антропологов и этнологов России (2005) поделился очень важным наблюдением: «в России все больше появляется разных антропологов и все больше разных обществоведов обращается к этническим и антропологическим сюжетам... Не было другого периода в истории отечественной этнографии, чтобы было выполнено столько разнообразных по географическому охвату, проблематике и методам полевых исследований и было столько опубликовано этнографических работ»¹. Но на какие аспекты антропологического интереса, того что упоминает В.А. Тишков, следовало бы обратить особое внимание? Наиболее значимым предстает необходимость сверки текущей фундаментальной основы взаимодействия человека и природы, в какой степени оказалось сохраненной «красная нить» исходного отношения человека природе, тех космических договоренностей, которые определяют характер пребывания человечества на планете [3].

¹ См. Специальный номер "Антропологический вестник" к VI конгрессу антропологов и этнографов России, http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/specialnyj_vypusk/

Человек постоянно обращается к миру, но мир молчит, и мы ищем себе утешение и отдых, создавая себе праздник, пребывая в удовольствии и праздности. Как показывает опыт текущих десятилетий в сфере человекознания все более отчетливо открывается «темная глубина» непознанного, все отчетливее проявляется недостаточность нашего знания о переменчивой окружающей среде, и природе самого человека. Тогда в условиях современной жизни, когда происходит неудержимый перенос исследовательского интереса от архаики к современности в антропологической науке, представляется, что именно охота сможет стать той фундаментальной основой уникального познания текущего дискурса на границах соприкосновения человека и природы. Основной тезис натуралистической модели антропологии - установление сущностной связи человека и социума с окружающей средой, которая способна многократно кодироваться посредством использования различных методов презентации человека и его жизненного пространства.

Парадокс заключается в том, что мы все реже «прикасаемся» нашим телом, душой и мыслями к все менее непосредственно окружающей нас природной среде, мы теряем контакт с нашим естественным, то условие, что нас делает живым, и частью живого. Когда-то лишь контактные действия с природой вселяли коллективное и индивидуальное мужество, поощряли стремление к успеху, веру в удачу, и без непосредственного взаимодействия с природным в «копилку» человечества не попадали и не сохранялись «вечные» жизненные ценности. К таким явлениям несомненно относится охота, как уникальное занятие, образ жизни, непроходящая социальная ценность- уникальный феномен, сопровождающий человека с самого начала его пути.

Охота - была неотъемлемая часть жизни древнего человека, она являлась опасным и непредсказуемым каждодневным занятием, тем мерилем, через которое соизмерялась индивидуальная и общественная жизнь. Но мы все еще находимся в ее познании перед лицом многих прежних нерешенных или когда-то «заброшенных» научных загадок, более того, в ней предстают многие вещи и феномены, которые никогда и не были в особом фокусе исследо-

вателей. Первобытные верования, такие, как анимизм, фетишизм, тотемизм, всевозможные запреты (табу), коллективно совершаемые действия (охота, собирательство, жертвоприношения) имели чрезвычайно большое значение для выживания человека, вселяя в него «мужество жить», что неудержимо притягивало внимание исследователей-этнографов [16]. Этому положению не приходится удивляться, если представить себе необходимость свести в едином поле познания - старое и новое, инновационное и традиционное, естественное и искусственное, культурное и природное, физическое и духовное, материальное и нематериальное, человеческое и нечеловеческое...

При этом охота не была даже маргинальным объектом исследовательского специального интереса, и в доказательство может послужить тот факт, что в последние четверть века ни одной публикации в названии которой было вынесено слово «охота» не было ни разу опубликовано в профилирующем отечественном издании «Этнографическое обозрение». Сергей Соколовский убеждает, что институализация новых областей исследований в антропологии подчиняется общим закономерностям, в конкретных случаях это обеспечивается: а) открытием принципиально новых объектов исследований, и б): «внешним заказом», когда проявляются социальные, политические, идеологические исследовательские контексты и формируются сообщества по интересам [12]. Достаточно скудный массив публикаций имеется по сочетанию «антропология охоты», несопоставимый с такими понятиями с такими же сочетаниями, образованными со словами «спорт», «туризм», «пища» и т.д. Также совсем не отмечены «охотничьи» публикации в московском «Вестнике антропологии» и питерском «Антропологическом форуме», не выявил наш поиск публикаций по антропологии охоты и среди других отечественных изданий, имеющих в информационном пространстве основной российской электронной библиотеки «e-library».

Этнография, этнология, антропология... Это те разные, но единые в сущностном своем научные дисциплины, каждая из которых имеет «за спиной» собственную нелегкую историю начала и развития исследований, где

пройден нелегкий путь формирования теоретических положений, обсуждения и уточнения своих методов, предмета, задач, объектов и направлений исследований. Фирменный стиль советских этнографов – «поле» и «экспедиция» переместились в город, где стали исследоваться многообразие культурных и социальных превращений города в постмодернистском стиле. Ныне стремительно меняется исследовательское внимание и восприятие жизни, и хотя все меньше остается любопытствующих и вопрошающих тайны первоначала жизненного, такая постановка остается в прошлом не только среди этнографов, но и не очень близка и постнеклассической философии, тем не менее, фундаментальные основания охоты еще могут быть представлены достаточно полно в философском представлении, в той ее экзистенциальной предопределенности, которая органически объединяет прежнюю натурфилософию, онтологию современной философии природы и обновленную метафизику перемен [2].

Охота – занятие, в большинстве своем, городских жителей, но ведь еще охота как промысел остается экономически- и социально-значимым явлением на огромных территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока [15]. В то же время, антропология – это наука о человеке и человеческих общностях, которая никогда не была строго формализованной и единой, ею не обеспечивался полный охват актуальных к исследованию человековедческих тем. В этнографии, по крайней мере в течении двух с половиной столетий, охота была «сохранной» у тех народов, которые можно было отнести к «коренным», «аборигенным», «ведущим традиционный образ жизни». В занятиях охотой накапливался опыт, возникла и рефлексия на переживаемое, человеку понадобились объяснительные концепции и структурирующие окружающее и самого себя представления, традиции, верования и убеждения определенным образом структурирующие тот мир, в котором живут люди.

Все же следует еще раз подчеркнуть, что трансформационные процессы с особой силой обострились, раскрываются, и не перестают быть актуальными и чувствительными для перемен в отечественной науке весь постсовет-

ский период. Антрополог Адель Баркер из университета Аризоны в первом выпуске «Антропологического обозрения» обращает внимание на то, что зарубежный научный мейнстрим предопределен консолидацией усилий на общем предмете формирующей сетевую модель науки и ее междисциплинарный характер. GIS Sciences, Landscape Sciences, Cultural Studies... существуют как обширные, густо населенные области знания в виртуальном дистанционном формате интенсивного сотрудничества и кооперации. Хотя, применительно к общемировой тематике охоты, будет вполне корректным утверждением, что ее мировоззренческие составляющие никогда не были приоритетными в исследовательском поле отечественной и зарубежной этнографии и антропологии. Наш специальный поиск в зарубежных базах данных WoS, Scopus, Science Direct... по ключевому слову «*hunting*» обеспечил малым числом публикаций имеющихся в сети, что недвусмысленно показывает слабую изученность данной тематики и за рубежом.

Ныне сведена к минимуму использования теория этноса в ее прежних (советских) формулировках и пониманиях, а также происходит стремительная потеря исследовательского интереса, и как следствие и исследовательских возможностей к применению традиционного этнографического метода включенного наблюдения, детальнейшей фиксации и полевого "вскрытия" исторических следов человека, архаики времени, овеществленного в практиках человечества гуманитарного и природного пространства [13]. Но мы не можем уйти от познания самого общего - метафизического, философского смысла в охоте, охота является обязательной и немалой частью культуры, это одна их характеристик социума, в ней присутствует исторический контекст и психологическая подоплека. Очевидна необходимость аналитической работы по всем аспектам охоты, которые затрагивались в отечественной и зарубежной этнографии, этнологии, антропологии.

Важно мнение антрополога Павла Белкова том, что «при введении нового термина или придании нового значения уже известному термину редко удастся создать нечто оригинальное. Как правило, создается эквивалент ка-

кого-либо старого понятия»². «Охота, её прошлое, во многом предопределяет наше настоящее и будущее (общества и каждой личности)», - убеждает А.В. Винобер, философ и биолог-охотовед. «Но знаем ли мы, что это за явление такое - охота? Ее истоки, сущность? Есть ли ей место в будущем?» - ставит он фундаментальные вопросы о ней [6]. Как искать исследовательские аналогии для антропологии охоты? Здесь безусловно, можно согласиться, что как никогда раньше, антропология предстает ныне наукой, исследующей биологическую, культурную и социальную эволюцию человека как особой формы живого имеющего необыкновенную социальную организацию, и отображающегося в культурной сфере прошлого и настоящего.

Далее мы следуем тезису, что переставая опредмечивать, наука перестает быть наукой и в контексте же объявления антропологии охоты следует обращаться к многим сложным вопросам, в том числе и понимая, что традиционный этнографический метод, в его описательной и объяснительной специфике вновь востребован научным сообществом. Особое значение получает отображение охоты в науке, и если для охотоведения, вполне понятным являются профессиональные дискуссии о наличии или отсутствии в современных условиях охотничьего хозяйства в России [8], мы можем найти охоту как «живой» современный феномен, достаточно обратиться к предельно обостренному ныне противоборство между зоозащитниками и охотниками [7].

Право на охоту как часть аборигенного права на ведение традиционной деятельности - один из наиболее сложных вопросов как отечественной, так и зарубежной (канадской, австралийской, скандинавской) антропологии. Но исторически, в Западной Европе начало запретам охоты было положено каролингскими королями, неотъемлемым следствием были вопросы собственности - частной, общественной, государственной. Вероятно, многие аспекты этого процесса составляют очевидным образом предмет юридической антропологии, но в целом это не соотносится с приоритетами таковыми для охоты

² См. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. С. 22.

[9]. Очевидно, что даже в таком весьма генерализованном смысле мы способны соотнести возможность исследования охоты методами десятков научных дисциплин. Скажем, появляются и новые форматы охот - трофейная охота, охота с луком и арбалетом, активно развиваются сопутствующие ей занятия - такие как стендовая стрельба (спортинг); обеспечение специализированной техникой, товарами, услугами.

А спортивная антропология и антропология спорта - это пример того как относительно недавно организованное направление научных исследований успешно обеспечивает прикладной синтез знаний, связанных с широким спектром пограничных дисциплин (анатомия, физиология, рентгенология, биохимия, генетика, экология, психология, биомеханика, биофизика, радиология, гистология и др.), определяет условия и изменения, которые происходят с человеком в результате занятий спортом, и предметом ее выступает исследование соматического статуса спортсменов [10]. В.И. Бажуков рассматривает военную антропологию как обязательную часть социальной и культурной антропологии, он утверждает, что «военная антропология призвана изучать те аспекты военной культуры, которые непосредственно связаны с человеком и способствуют его познанию» [1].

Безусловно, война и охота сопровождает человечество сопоставимые периоды времени. Исходя из понимания предметных областей военной антропологии, В.И. Бажуковым было выделено пять основных направлений: К первому было отнесено естественно-историческое (изучение воздействия природных условий на войну, армию и военное дело в целом, а также на природу самого человека в боевой обстановке). Задачей второго – социологического – направления устанавливается - изучение культурных аспектов военной организации, военной культуры различных социальных групп, культуры воинского быта в мирное и военное время. Третье – психологическое направление – должно заниматься исследованием вопросов военной социализации и инкультурации молодого поколения, его подготовки к службе в Вооруженных Силах и защите Отечества, проблемами национального характера и их

влияния на качества воинов, специфики мышления человека в боевой обстановке, обычаев войны и др. Задачей четвертого – символического – направления является изучение семиотических аспектов военной культуры, а также взаимодействия различных военных систем в мирное и военное время. Пятое – военно-историческое, со всем огромным содержанием, которое таковое предполагает.

В предельно конкретном смысле под охотой подразумевают не разведение домашних животных и собирательство растительной продукции и ма-рикультуры, а добывание зверей, птиц и рыб; причем последнее, в этом смысле отделяется в самостоятельный формат природопользования - рыболовство. Следовательно, охота - одна из тех форм такого контакта, что может включать в себя множество форм и названий, и это также контакт с тем, что было для человека сотни тысяч и даже миллионы лет. Антропологизация гуманитарного знания ставит серьезную методологическую проблему: наука, имеющая дело с человеком, больше не может относиться к своему предмету как к предмету, она должна «высветить» лишь некий особый аспект, что не был в фокусе внимания раньше.

Нужны постановочные проекты и теоретические разработки, пока же опыт институализации антропологии охоты является достаточно скромным. Есть также большая вероятность того, что следует ориентироваться прежде всего на развитие прикладной или неотложной антропологии, где следует доказывать, что охота не менее достойна внимания для исследований этнографов и антропологов, чем вопросы медиа, моды, туризма, сетевых структур или движения, денег или джаза. Вероятно стоит попытаться соотнести исследовательское поле антропологии с неохваченными маргинальными исследованиями других наук, где может быть «высвечен» сущностный феномен охоты. Как пример прикладных этнографических задач можно отметить - антропоцентрические мотивы регламентации способов и видов охоты; исторически обусловленные формы ритуального установления запретов на добычу

отдельных видов; территориальные запреты охоты, которые во многих местах имеют тотемический характер и т.п.

Охота в таком аспекте предстает уже не как особый юридический феномен, а как принципиально иная исследовательская форма множественного раскрытия в научной сфере. Материальная культура охоты не менее богата и своеобразна, чем продукция войны, и эти два человеческих занятия человека всегда были близки. С другой стороны, охота как действие - это процесс и причем один из самых древних, стремление выследить, добыть и использовать добычу. Это - традиция и культурный элемент, своеобразный и многообразный, насколько своеобразна и многообразна природа. Во многие времена охота не была развлечением, она служила способом, причем, весьма небезопасным, добывания хлеба насущного. Фундаментальные основания охоты могут быть представлены достаточно полно в философском представлении, в той ее экзистенциальной предопределенности, которая органически объединяет прежнюю натурфилософию, онтологию современной философии природы и обновленную метафизику перемен [4].

В специальной аналитической работе [5] мы выделили и обосновали пять современных конструктов охоты. На материалах медиадискурса охоты были выделены следующие понятийные значения: 1) охота - это выслеживание и преследование добычи, это азарт, в том числе реализация агрессивного инстинкта человека; 2) охота - это удовлетворение потребности во благах; может приносить доход; 3) охота - это вид досуга и разновидность отдыха; 4) охота - потребность в самоактуализации; пробуждение, узнавание себя в общении с природой; 5) охота - как необходимость социальной и индивидуальной защиты; профессиональная занятость. Здесь заметим, что чрезмерная конкретизация как с структуралистским, так и постструктуралистским подходом не мешает встраивать конструктивистские представления, но так же часто приводит исследователя к ошибкам в культурно-психологических характеристиках индивида или группы в универсальном объяснительном принципе.

Охота была и остается во многом народным праздником, хотя именно здесь, применительно к охоте, понятие «народ» должно подвергаться наиболее жесткой цензуре, больше вероятно чем этнос. Армянский ученый Левон Абрамян замечает: во время «народных» событий в городе антрополог становится в таких случаях кем-то вроде шамана, отправляющегося к корням, чтобы, вернувшись, предсказать возможное будущее³. Способны ли мы найти нужные пересекающиеся исследовательские позиции, которые присутствуют в охоте и в медицинской антропологии? Вполне очевидно, так В.И. Харитоновна доказывает, что отечественная медицинская антропология сформировалась фактически заново в 1980-е годы, расширив прежнюю свое «биологическую» принадлежность в гуманитарном направлении, в т.ч. в таких специфических областях как биоэтика и антропология сознания [14].

Но мы не можем надеяться воспроизвести внутренние особенности менталитета и психики человека, который жил раньше и живет теперь без выбора и использования эффективных инструментов познания, к числу которых уверенно можно отнести охоту. Первое, и долгое время практика охоты была такова, что человек не мог, да и не стремился передавать свои знания и опыт другому, ведь именно индивидуальные качества определяли ее успех, как и выживание самого охотника. И хотя биологически-общевидовое научение и копирование существовало, и уже "набирало силу само жизненное умение человека оперировать пространством, естественным как у других живых существ, но и при этом совершенно особое, было таково, что человек был как бы вписан в природу. И те способности, что ныне считаются экстра-сенсорными были обычными у древнего человека. Тогда может быть возможно соотнести отдельную функцию охоты, такую как «обеспечение здоровьем» - и медицину, у которой данная задача предстает основной.

Охота - это всегда настоящее, и даже весьма неполные результаты исследований древнегипетской цивилизации показывают, что биоэнергетические, ментальные и психические способности человека-охотника были совер-

³ См. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. (С. 12).

шенно иные, чем в более поздних человеческих цивилизациях. Так что же происходит ныне с исследованиями антропологами феномена охоты? Охота никогда не могла быть однообразной и одинаково успешной. Простым историческим объяснением служит то, что по мере того, как племена становились оседлыми, возникали более крупные центры поселения, и вследствие постоянного воздействия охоты, дичь возле таких центров неуклонно сокращалась в числе, возникали трудности с добычей, как следствие менялись объекты и способы охоты.

С чем соотносится сейчас, на чем основывалась ранее, и что может из себя представлять такая область знания - антропология охоты? Принципиально важный критерий охоты состоит в том, что суть взаимодействия человека и природы в основе остается прежним, но меняются каждый раз важные детали и условия, нельзя воспроизвести и повторить в эксперименте. Верно и профессиональное мнение констатирующее, что: «прикладная антропология, от которой можно было бы ждать новых импульсов развития для дисциплины в целом, поскольку именно она должна отвечать на запросы общества и предлагать решения социальных проблем, в случае российской антропологии оказалась огульно государственной и именно в силу этого обстоятельства в значительной части выхолощенной» [11, С. 85].

Во время недавнего Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, июль 2017 г.) впервые состоялась секция № 26 «Антропология охоты»⁴. На секцию было заявлено десять докладов, смогли приехать и сделали презентацию трое исследователей. Два доклада (Золтан Надь и Владимир Бочарников) были посвящены вопросам взаимоотношений охотников и крупных хищников (медведя и тигра), один (Артемий Позаненко) - был посвящен социальным аспектам и этнической специфике охоты на Алтае. Всего на заседании секции присутствовали и принимали активное участие в обсуждении более 15 человек. Общим мнением было желание продолжать и развивать отечественные исследования по антропологии охоты. Как исполнение данного пожелания, и в рамках но-

⁴ см. материалы конгресса,

<http://udnii.ru/files/assets/XII%20%D0%9A%D0%90%D0%AD%D0%A0%20%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf>

вой инициативы, хочу обратить внимание на то, что данный номер журнала «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства» посвящен тем темам, которые по мнению авторов являются интересными в контексте развития исследований по антропологии охоты.

Хочется надеяться, что эта инициатива получит продолжение и в специализированных антропологических и этнографических изданиях, также как и сможет удержаться на конгрессе и совещаниях, в этом важном профессиональном дискуссионном поле России. Добавлю также, то что осенью 2017 года мной был проведен выборочный опрос участников состоявшегося этнографического в нашей стране очередного конгресса. Короткая анкета была составлена с целью выявления предпочтений по направлениям и форме сотрудничества, для того, чтобы получить комментарии и предложения о перспективных формах и направлениях сотрудничества по тематике «Антропология охоты». Треть от числа опрашиваемых (18 человек) с различной степенью полноты ответили на поставленные вопросы.

На основе высказанных мнений и рекомендаций антропологов стало понятно, что в наибольшей степени привлекательными формами работы являются: работа по грантам, коллективные публикации в международных рейтинговых изданиях, участие в специализированных мероприятиях, где одобряется основная идея о консолидации усилий по тематике антропологии охоты. Было также одобрено предложение о подготовке специальных номеров, касающихся проблематики антропологии охоты. Итак, благодаря принципиальной позиции редакции журнала «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства», в нашей стране появился первый опыт консолидации усилий и объединения исследователей в новой междисциплинарной области, которая как можно надеяться сможет стать особым направлением – охотничьей антропологией или антропологией охоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажуков В. И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Армия и общество. 2008. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-antropologiya-obekt-predmet-napravleniya-metodologiya> (дата обращения: 18.02.2018).

2. Бочарников В. Охота, культура, народ // Охота. 2014. № 8. С. 70-78.
3. Бочарников В.Н. Антропогеографические аргументы этнического кода человечества // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. № 2. С. 77-110.
4. Бочарников В.Н. Философия охоты // Охота национальный охотничий журнал. 2012. № 5. С.18-21.
5. Бочарников В.Н., Ерофеева И.В. Медийные смыслы и идеи концепта «охота» (по материалам интервью в журналах «Основной инстинкт» // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 1. С. 5-17.
6. Винобер А.В. Апология охоты (Краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск: Оттиск, 2016. - 100 с.
7. Винобер А.В. Охота, охотники и так называемые «зоозащитники» // Гуманитарные аспекты охоты. 2018. № 1. С. 56-65.
8. Грицюк М. С охотой // <https://rg.ru/2009/08/18/ohota.html>
9. Кряжков В.А. Юридическая антропология: Закон и жизнь / Отв. ред.: Н.И. Новикова, В.А. Тишков. - М., 2000. - 224 с.
10. Манкевич А.Н., Пригодич Д.Н., Костючик И.Ю., Куприянчик Д.Ю., Давыдов В.Ю. Спортивная антропология как научное направление. Аналитический обзор.// Здоровье для всех. 2017. № 1. С. 18-21.
11. Соколовский С. В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. 2011. № 2. 2. С. 70-89.
12. Соколовский С. Российская антропология и проблемы ее историографии // Антропологический форум. № 9. 2008. С. 123-152.
13. Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5-22.
14. Харитонов В.И. Медицинская антропология на Западе и в России // Этнографическое обозрение. 2011. № # 3. С.3 - 10.
15. Целыхова Е. Русские традиционные охоты и их сохранение // Российская охотничья газета от 20 февраля 2016 г.
16. Черногорцева Г.В. К проблеме человека: возвращаясь к истокам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6-1. С. 272-275.

V.N. Bocharnikov

Pacific institute of Geography Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

ANTHROPOLOGY HUNTING OR HUNTING ANTHROPOLOGY? SEARCH DISTINCTIVE WAY

The article discusses the current situation of fundamental changes in the domestic social Sciences, discusses the need for the development of new scientific areas in the disciplinary field of anthropology. Topical issues of ethnological and anthropological knowledge, selected examples of «related» anthropological problems are given in the context of interdisciplinary research of the phenomenon of hunting.

Key words: anthropology, hunting, methodology, research directions, transformational processes of science.

Поступила в редакцию 21 февраля 2018